

УДК 821.161.1

Н. П. Сысоева

Идея славянского единства в историософской лирике Ф. И. Тютчева

В статье рассматривается идейно-эстетическая специфичность историософской лирики Ф. И. Тютчева, выступившего с призывом всеславянского единения в качестве единственного гаранта мира перед нарастающей угрозой тотальной милитаризации европейской цивилизации второй половины XIX века.

Ключевые слова: историософская лирика, кризис цивилизации, «самовластье человеческого «Я», православие, идея «третьего Рима», всеславянское единство.

Идея объединения славянских «племен и народов» вокруг России — магистральная идея историософской лирики Тютчева, исполненной тревожных пророческих предчувствий и надежд.

Тютчевская историософская лирика формировалась как акт высочайшего онтологического и философского познания и самопознания, которые должны были, по глубокому убеждению поэта, предшествовать исторической практике человека и неустанно корректировать ее. В остро ощущаемой ситуации нарастающего катастрофического кризиса современной цивилизации историософская мысль поэта вступает в напряженный диалог с предшествующей и современной поэту философией истории. Он сомневается, вопрошает, спорит, во многом совпадая с концепцией культурно-исторических типов Н. Я. Данилевского и во многом предвосхищая и корректируя концепцию краха и неудачи истории (К. Леонтьев) и взгляд на историю как работу спасения (А. Хомяков, В. Соловьев, С. Булгаков, Н. Бердяев, Г. Федотов и др.).

Славянский вопрос в письмах, публицистике, лирике Тютчева напрямую опосредован его пессимистической оценкой современного состояния Западной Европы.

«В концепции мира у Тютчева, — отмечал в свое время Л. К. Долгополов, — присутствует зависимость человека от истории, от исторического процесса, который, по аналогии с мировым круговращением, также рассматривается как проявление всеобщего движения» [1, с. 65]. Сам поэт писал в 1849 г.: «Запад исчезает, все рушится, все гибнет в этом общем воспламенении: Европа Карла Великого и Европа трактатов 1815 года, римское папство и все западные королевства, католицизм и протестантизм, вера, давно уже утраченная, и разум, доведенный до бессмыслия, порядок отныне немислимый, свобода отныне невозможная, и над всеми этими развалинами, ею созданными, цивилизация, убивающая себя собственными руками» [2, с. 306—307].

В статье «Россия и Революция» поэт писал по поводу французской революции 1848 года: «После всего, что произошло, кто может еще сомневаться, что с той минуты, когда революционное начало проникло в общественную кровь, все эти уступки, все эти примиряющие формулы суть не что иное, как наркотические средства, которые могут, пожалуй, на время усыпить больного, но не в состоянии воспрепятствовать дальнейшему развитию самой болезни» [2, с. 297].

В революционных бурях и войнах, сотрясавших Европу и Россию, он своим «чутким ухом, припав к растреснутой земле» («Безумие»), услышал грозный гул будущих социальных катастроф, которые могли поставить современную цивилизацию на грань самоуничтожения.

Глубинную первопричину революционных потрясений Тютчев увидел в трагическом распаде коллективистских и религиозных связей, в «самовластье человеческого «Я», ко-

© Сысоева Н. П., 2012

торое, как справедливо утверждает современный исследователь Б. Н. Тарасов, поэт рассматривал «в предельно широком и глубоком контексте как богоотступничество» [3, с. 72].

«Принцип личности, доведенный до какого-то болезненного неистовства», по выражению поэта, безграничный индивидуализм, свобода, вырождающаяся в произвол, попирающий остатки свободы, — все это следствие ложного принципа, возведшего несовершенного человека в культ, истину и абсолют и неотвратимо вовлекающего человека, человечество и всю цивилизацию в апокалиптическую коллизию саморазрушения.

Воспринимая христианство в качестве основополагающей идеи оправдания истории и совпадая в этом с магистральной линией развития русской историософии (И. Аксаков, А. Хомяков, В. Соловьев, Н. Бердяев, С. Булгаков, И. Федоров и др.), Тютчев считал, что только Православие может воспрепятствовать этим саморазрушительным процессам, пересоздать современную эгоистическую личность и побудить ее вернуться на «торную дорогу» веры и добра.

В православной первооснове русского национального характера, с присущей ему гениальной интуицией, полагал поэт, следует искать ключ к «вечной загадке» России и «русской души», которая столько веков смущает европейские умы.

В стихотворении «Эти бедные селенья...» «долготерпенье» утверждается как главная национальная добродетель, нейтрализующая темное, агрессивное начало в человеке и предельно мобилизующая аскетизм, самопожертвование, доверие к Провидению, братскую любовь к ближнему. Цитируя это стихотворение Тютчева, Достоевский писал: «Пусть наша земля нищая, но эту нашу землю «в рабском виде исходил благословляя» Христос. Почему же нам не вместить последнее слово его?» [4, с. 148]. Достоевский, как и Тютчев, воспринимал Россию как хранительницу «Христового образа», искаженного и стершегося в европейском человечестве.

«Россия, — писал Тютчев, — прежде всего христианская империя; русский народ — христианин не только в силу православия своих убеждений, но еще благодаря чему-то более задушевному. Он христианин в силу той способности к самоотвержению и самопожертвованию, которая составляет как бы основу его христианской природы» [5, с. 273]. Богатый Запад воспринимался поэтом как царство «от мира сего», где «все подкопано, и, может быть, завтра же рухнет бесследно во веки веков», а нищая Россия, что «более всего ищет Царства Божия», — носительницей начала «воссоединения». Два символа, два ориентира: ложный и истинный. Первый ведет к самоуничтожению, второй — к Спасению.

Поэт страстно верил в то, что Россия способна выполнить свою спасительную роль, объединив вокруг себя славянские народы, родственные ей по духу и православной вере.

Тютчев поддержал славянофильскую идею построения великой греко-российской Восточной империи со столицей в Царьграде (Константинополе), идею Третьего Рима.

В стихотворениях, исполненных высокого, торжественного пафоса: «К Ганке», «Знамя и Слово», «Русская география», «Рассвет», «Пророчество», «Ты долго ль будешь за туманом...», «Славянам», «Великий день Кирилловой кончины...», «Два единства», — поэт преображается в славянского трибуна, призывающего Русь к исполнению своей великой объединительной миссии:

Вставай же, Русь! Уж близок час!
 Вставай Христовой службы ради!
 Уж не пора ль, перекрестясь,
 Ударить в колокол в Царьграде?
 Раздайся благовестный звон,
 И весь Восток им огласится!...
 («Рассвет», 1849)

Будущее объединение славян мыслилось поэтом на культурно-исторической, а не на самодержавно-государственной основе. Россия должна стать для славянских племен не внешней (хотя и дружественной) силой, а нравственным и идейным центром ее сплочения, способным объединить истинно христианский славянский мир.

Абсолютно чуждый идее панславизма, усиленно навязываемой ему западной и русской либеральной философской мыслью, поэт апеллирует к исторической славянской памяти. Со времени раннего Средневековья славянские народы исповедовали общую им православно-христианскую веру, утвержденную святыми равноапостольными братьями, просветителями, создателями азбуки и церковного языка — Кириллом и Мефодием. Чехия, Словакия, Моравия, Польша имели в прошлом православно-христианскую веру.

Мефодий крестил впервые чешского князя Бориса и ввел в Чехии славянское богослужение. Ученики Мефодия пришли со своей святой проповедью к народам Силезии и Польши и обрели всенародную поддержку. Православная вера, напоминал поэт, стала для всех славян общим национальным преданием, основой для общего духовного единства.

Перед смертью св. Кирилл сказал брату: «Мы с тобой, как два вола, вели одну борозду. Я изнемог, но ты не подумай оставить труда учительства» [6, с. 6].

Современный авторитетный ученый Ю. В. Лебедев обоснованно утверждает: «Труд учительства» и берет на себя историософская лирика Тютчева, пробуждая память о великих основателях славянского мира. Включая в свой страстно-призывный, торжественно-проповеднический монолог дословные дидактизмы великого славянского учителя, звучащие как завещание христианскому миру, поэт обнажает драматическую степень отчуждения современного славянства от истоков истинной христианской веры и свою приверженность этой вере:

Чрез целый ряд веков,
Чрез столько поколений,
И мы, и мы его тянули борозду
Среди соблазнов и сомнений...
(«Великий день Кирилловой кончины», 1869)

С присущей ему поразительной исторической интуицией поэт понимал, с какой нарастающей тотальной угрозой в лице воинствующей западной буржуазной цивилизации, одержимой идеей мирового господства, может вскоре столкнуться славянский мир, переживающий столь опасное для его судеб состояние раскола, вражды и противостояния.

Именно поэтому занял он столь принципиальную позицию в польском вопросе. Его крайне отрицательное отношение к польским восстаниям 1830 и 1863 годов обусловлено глубокой убежденностью в том, что главной причиной польских бунтов было предательство окатоличенной польской шляхтой интересов своего народа и славянского мира в целом.

В стихотворении «Ужасный сон отяготел над нами...» (1863) поэт без колебаний стал на защиту международного авторитета России, которая наперекор многочисленным врагам, в атмосфере развязанной в западноевропейском обществе неистовой антироссийской кампании (вплоть до обвинений в стремлении покорить Западную Европу) продолжала исполнять свою высокую объединительную миссию:

И этот клич сочувствия слепого,
Всемирный клич к неистовой борьбе,
Разврат умов и искаженье слова —
Все поднялись и все грозят тебе.
О край родной! — такого ополченья

Мир не видал с первоначальных дней...
 Велико, знать, о Русь, твое значенье!
 Мужайся, стой, крепись и одолей!
 («Ужасный сон отяготел над нами...», 1863)

Поэт был непоколебимо убежден в том, что Россия, поддержанная славянскими и другими миролюбивыми народами, должна неуклонно исполнять свою, завещанную ей великими духовными учителями, высокую миротворческую роль на мировой арене, сдерживать подлинных агрессоров и претендентов на мировое господство, защищать национальную независимость теснимых и угнетаемых народов.

Именно поэтому Тютчев с такой тревогой и скорбью будет порицать царскую дипломатию за непоследовательность и нерешительность, приводившие к таким катастрофическим последствиям.

Очередной раз, когда русская дипломатия оставила без поддержки восставшее против турецкого владычества славянское население острова Кипр и восстание было подавлено с ужасающей жестокостью, Тютчев откликнулся поразительным по лирической глубине и провидческой интуиции стихотворением:

Ты долго ль будешь за туманом
 Скрываться, Русская звезда,
 Или оптическим обманом
 Ты обличишься навсегда?
 Ужель навстречу жадным взорам,
 К тебе стремящимся в ночи,
 Пустым и ложным метеором
 Твои рассыплются лучи?
 Все гуще мрак, все пуще горе,
 Все неминуемей беда —
 Взгляни, чей флаг там гибнет в море,
 Проснись — теперь иль никогда...
 («Ты долго ль будешь за туманом...», 1866)

Поэт был убежден, что Россия не может уклониться от предназначенной ей Историей и Провидением спасительной, всеобъединительной, миротворческой миссии. В одном из своих итоговых стихотворений, своеобразном завещании всему славянскому миру, написанном незадолго до смерти, поэт противопоставил Бисмарковой идее «железа и крови», как единственно реальному принципу европейской политики, идею нерушимого братского единения, скрепленного любовью:

«Единство, — возвестил оракул наших дней, —
 Быть может спаяно железом или кровью...»
 Но мы попробуем спаять его любовью, —
 А там увидим, что прочней...
 («Два единства», 1870)

Пророчески прозревая трагическую бесперспективность ложного пути современной буржуазной цивилизации, пытавшейся утвердиться на основе философии безграничного индивидуализма, культе собственнических интересов, политике силы, «железа и крови», неотвратимо порождающих саморазрушительные революционные потрясения, русский поэт увидел в Российской державе духовно-религиозный центр и опору всеславянского единения, способные переориентировать современную несправедливую и жестокую цивилизацию на завещанный великими предками спасительный путь любви, добра и милосердия.

Список использованной литературы

1. Долгополов Л. К. Тютчев и Блок // Рус. литература. 1967. № 2.
2. Тютчев Ф. И. Полн. собр. соч. СПб., 1913.
3. Тарасов Б. Н. Тютчев и Паскаль // Рус. литература. 2000. № 1.
4. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. : в 30 т. Т. 11. Л., 1985.
5. Тютчев Ф. М. Русская звезда. Стихи, статьи, письма. М., 1991.
6. Лебедев Ю. В. Гражданская лирика Ф. И. Тютчева // Лит. в shk. 2003. № 5.

Поступила в редакцию 16.07.2012 г.

Нина Петровна Сысоева, доктор филологических наук, профессор
Оренбургский государственный педагогический университет
460844, Российская Федерация, г. Оренбург, ул. Советская, 19
E-mail: kafedra-mir@yandex.ru

N. P. Sysoeva

The idea of Slavic unity in Tyutchev's historiosophical lyrics

The article considers ideological and esthetic specificity of historiosophical lyrics of F. I. Tyutchev who made an appeal to unify all Slavic people to get a unique guarantor of peace facing the impending threat of total European civil militarization in the second half of the XIX century.

Key words: historiosophical lyrics, civilization crisis, "human "I" autocracy" Orthodoxy, idea of «the third Rome», all Slavic people unity.

Nina Petrovna Sysoeva, Doctor of Philology, professor
Orenburg State Pedagogical University
460844, Russian Federation, Orenburg, ul. Sovetskaya, 19
E-mail: kafedra-mir@yandex.ru